

**СЕМАНТИКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И ПОСЛЕЛОЖНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В СТАРОПИСЬМЕННОМ
КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКА СТАРОКАЛМЫЦКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ «ХОЖДЕНИЕ В ТИБЕТСКУЮ
СТРАНУ МАЛОДЕРБЕТСКОГО БААЗА-БАКШИ»)**

В языкознании стало общепринятым квалифицировать склонение как парадигму выражения отношения имени к другим именным или глагольным словам в предложении. Имя - это непосредственное название предмета или явления, не вступающее в какое-либо зависимое отношение с другим словом, поэтому оно по своей форме нейтрально и статично, падеж же есть сдвиг в форме имени, фиксирующий его отношение к другому слову в предложении. По определению академика В.В. Виноградова, «падеж - это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи» [Виноградов 1972:139]. Образование той или иной падежной формы сводится не к образованию совершенно нового слова с иным значением, чем, например, именительный падеж, но к образованию формы, показывающей нам новое отношение того же слова к другому. Категория падежа является основным грамматическим средством выражения управления: падежные граммы оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса; тем самым, падеж принадлежит к числу грамматических категорий, оформляющих синтаксически зависимый элемент [Мельчук 1998:313].

Именительный падеж

Вследствие неоформленности именительного падежа в

монгольских языках, принято считать его совпадающим с основой слова. Однако, по мнению многих монголоведов, это не совсем верно. Есть мнение, что Nominativ и основа слова - «разные по форме и содержанию категории, хотя не приходится отрицать того, что в большинстве случаев основа и именительный падеж внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы» [Санжеев 1953: 140].

Следует отметить, что формальные различия между основой и именительным падежом невелики и поддаются установлению лишь в области определенных групп слов, а именно таких, которые в большинстве монгольских языков имеют так называемый неустойчивый или скрытый конечный «н». Различия эти проявляются и в склонении местоимений. Относительно остальных имен из любой части речи, в их склонении нет ничего такого, что давало бы основание проводить формальное различие между основой и именительным падежом.

В исследуемом памятнике именительный падеж совпадает с полной основой, причем неустойчивый н сохраняется, кроме некоторых случаев. Имя в именительном падеже в предложении является подлежащим: *Erte cagtu, Dongrob Arši qa:n, Zuu Töböd-tü takil barica kürgүүлži, qamugi ayiladuguiyin gegen-dü bara:lquulži ilgegsen ulus-tai qamtu...*(1) «В былую пору Донгроб-Арши хан посылал своих людей, чтобы представились они Всеведущему гегену и доставили в Тибет жертвоприношения...»; *Manai oros qa:nai medeldü bayigui qalimag ulus, teyimi ulusiyigi gelüng geži nere:dedeg-luя: adali* (23) «подобно тому как называют таких людей гелюнгами калмыки, находящиеся в подданстве нашего русского царя»; *Tere sümeyin öüdenei qaša:giyin dottor uryugsan modon-du basa töböd üzügүүд bayinai* (30) «На дереве, выросшем в ограде перед дверями этой кумирни, тоже есть тибетские буквы»; *Tege:d bide yekede bayasa:d qariži irebe biden* (35) «Поэтому мы вернулись назад, очень сильно обрадовавшись».

Слово в форме основы слова может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, прямого дополнения, определения и именной части составного сказуемого. Отсутствие специального показателя именительного падежа и многообразие функций у этой формы вызывает разногласия в ее трактовке. По мнению ученого Ц.Б. Цыдендамбаева, выделение именительного падежа представляется, по меньшей мере, спорным. На вопрос об альтернативе этого падежа он отвечает, что все зависит от позиции

исследователя, и ответ может быть двояким: «если в принципе не отходить от традиции, то надо искать какой-то другой падеж вместо именительного, а если идти вразрез с традицией, то нет необходимости в таком поиске» [Цыдендамбаев 1979:38]. Профессор З.К. Касьяненко, обратившись к фактам монгольского языка, утверждает, что «нет оснований сохранять термин «именительный падеж» для формы основы слова в современном монгольском только лишь потому, что одна из ее функций совпадает с основой». Далее ученый предлагает, учитывая опыт тюркологов, заменить термин «именительный падеж» термином «неопределенный падеж», то есть падеж, функции которого значительно шире, чем функции любого другого падежа [Касьяненко 1964:6-7]. *Ene tangyad ulus qara sarlag үкүр, tangyad šodong qoni maltai* (43) «Этот тангутский народ имеет следующий скот: черных сарлыков (яков) и тангутских тонкохвостых овец»; *Zaluu ulusni, uu qangcutai, utu qormoyitai qonin arisun debeliyigi, nücügün beyede:n ümüse:d...*(43); «Их мужчины одевают на голое тело длиннополые шубы с широкими рукавами (сшитые) из овечьих шкур»; *zuni terüün qonin sarayin 15-du Nagcuu-e:ce nöüge:d...*(115) «Выехали из Нагцу 15 числа месяца овцы, первый летний месяц».

Родительный падеж

Родительный падеж в монгольских языках характерен тем, что его форманты по сравнению с таковыми других падежей отличаются значительной вариативностью, как по звуковому составу, так и по употреблению. В исследуемом памятнике суффиксам родительного падежа являются следующие форманты: *-yin, -iyin/-ayin/-üyin, -giyin, -i, -ai/-ei,-e:/-a:/-a, a:n/an*.

В классическом монгольском языке при образовании родительного падежа имена с любым конечным гласным принимают показатель *-yin*, с конечным согласным *n* - *-u/-ü*, с любым другим конечным согласным *-un/-ün* [Бобровников 1849:88-90; Санжеев 1964:63].

При помощи аффикса *-yin* генитив образуется от основ, оканчивающихся на гласные и дифтонги: *emuiyin* (75) «доктора», *ce:žiyin* (87) «груди», *bogdoyin* (7) «святейшего, императора», *Aуинкаyin* (94) «Аюки», *buqayin* (59) «бычий», *blamayin* (59) «ламы».

Аффиксу монгольского письменного *-un* в письменном старокалмыцком (ойратском) языке соответствуют формант *-iyin*

-ayin/-üyin, представленный в нескольких алломорфах. Они присоединяются, в зависимости от сингармонизма, к основам, оканчивающимся на согласные. Формант *-giyin* присоединяется к основам, оканчивающиеся на долгий гласный и согласный *-ng*: *blamanariyin* (12) «лам», *buradiyin* (7) «бурят», *cagiyin* (27) «времени», *de:düsüin* (60) «небожителей», *ɣaza:riyin* (30) «земли», *üküriyin* (114) «коров», *bayirayin* (28) «места», *kitadiyin* (11) «Китая», *geriyin* (43) «дома», *ɣaliyin* (27) «огня», *angduugiyin* (27) «Анду», *köbö:giyin* (27) «берега», *bayiŋgiyin* (31) «здания, дворца».

Аффиксу монгольского письменного *-u/-ü* в старописьменном калмыцком языке соответствует традиционный показатель *-i*, который встречается в живой речи монголов [Ринчен 1977:148-150]. Он употребляется после основ на *-n*, например: *qa:ni* (47) «хана, правителя», *qoni* (103) «овцы», *teme:ni* (103) «верблюда», *modoni* (29) «дерева», *gegeni* (77) «святейшества», *burqani* (29) «бурхана», *amitani* (2) «одушевленных», *daba:ni* (71) «перевала», *qonini* (68) «овцы». Но наряду с этим особое внимание обращает на себя тот факт, что параллельно с традиционно-письменным показателем *-i* в исследуемом памятнике широко употребляются форманты *-ai/-ei, -e:/-a:/-a* (в зависимости от сингармонической рядности слова), которые были присущи разговорной речи. Более того, в некоторых словах они встречаются количественно чаще, чем формант *-i*. Например: *ödönei* (29) «двери», *qoŋunai* (95) «хошуна, административная единица в Монголии», *üsünei* (49) «молока», *qoninai* (39) «овцы», *gegene:* (37), *gegenei* (27) «святейшества», *mörinei* (57) «коня, лошади», *küünei* (42), *küüne:* (25) «человека», *mönggöne:* (40), *mönggönei* (8) «денежные».

Также зафиксированы случаи употребления формантов *-ai/-ei, -e:/-a:/-a* после основ, оканчивающихся на согласный *-r*, которые в современном калмыцком языке свойственны разговорной речи, например: *ödörei* «дня, дневной» - *ödörei gegen tasurquyin düngge cagtu* (93) «время (суток), когда исчезает дневной свет», *ödöre:* «дня, дневной» - *Örgön ɣazarta:n dolo:n ödöre: örgön gene* (18) «шириной эта земля равна семи дням (езды)», *üküre:* «коровы, коровье» *Nige üküre: maqa bo:rcogla:d* (12) - «засушив (вялить) мясо одной коровы», *ükürei - Ene ükürei maqa qata:ži abudag uuir bideni* (12) «причина, по которой мы взяли сушеную говядину», *ɣazarai* «земли, местности, страны» - *Ene qonogson kitadiyin ɣazarai zaqadu kürbe* (25) «В этот ночлег мы достигли границы

Китая /досл. китайских земель/», *ɣazara: - 11 Lang manai orosiyin ɣazara: nige čingnuurtu adali bolon* «досл. 11 ланов равны одному фунту нашей русской страны».

Интересно отметить тот факт, что при образовании родительного падежа в некоторых случаях употреблен показатель *-a:n/-an*, свойственный торгутскому диалекту калмыцкого языка. Причем в некоторых словоформах этот формант используется параллельно основному аффиксу генитива. Сравнить: *uulayin bel* (54) «подножье горы»; *uula:n ö:dö ɣara:d* (41) «взобравшись на вершину горы»; *uula:n üzüür* (47) «пик горы»; *dörbön quruɣa:n düngge üldge:ge:d* (43) «оставив расстояние равное, приблизительно, четырем пальцам (досл. оставив около четырех пальцев)»; *Uu müreni baruun köbö:giyin uulan de:re barıgsan kiyid* (85) монастырь, построенный на горе правого берега реки У».

Таким образом, сравнительный анализ языка памятника, содержащий разноречие в употреблении показателей падежа принадлежности, и современного калмыцкого языка, в котором выделяются следующие показатели генитива - *-a, -ə -ин,-ын,-гин/-н*, указывает на то, что письменный язык на рубеже 19-20 веков претерпевает сильное влияние живой речи, где уже произошли существенные изменения. Поэтому автор наряду с традиционным архаичным оформлением родительного падежа, в большей степени отдает предпочтение живым, устным формам.

Родительный падеж в монгольских языках играет исключительную роль. Будучи «семантически весьма разнообразным», он выполняет «широкую грамматическую связь между именами самых различных значений» [Орловская 1984:29].

Родительный падеж указывает лицо или предмет, которому что-либо принадлежит в самом широком и различном смысле: *töbödiyın qudulda:čın* (36) «тибетские торговцы», *Cayidamiyın mongɣol* (39) «Цайдамский монгол», *Man-du cai qayırala:d oron nutugiyın mendü surui* (80) «Угостив нас чаем, спросил о благосостоянии нашей страны», *mörgölčın küünei yoson* (90) «право верующего человека», *ene zamiyın qabırɣa-du ɣurbun anggi ba:qan nuur bayınai* (91) «Сбоку этой дороги находится три маленьких озера», *ayiliyın ɣaza: cai čınaži uuɣa:d* (99) «сварив, попили чай снаружи дома», *Ene kitadiyın qa:ni qutala balɣad* (116) «Это столица китайского хана», *Burqani abural buuži* (120) «Да снизойдет спасение Бууды».

Родительный падеж целого. Определенной семантической

разновидностью конструкций, выражающих посессивные отношения, являются сочетания, где зависимый компонент в родительном падеже указывает на отношение части и целого: *Toboliski gedeg kobereni balıyasa:r dabira:d* (4) «проехав по городам Тобольской губернии», *uulayın ö:dö yurbun duunai düngge* (89) «вершина горы высотой около 3 километров», *yazariyin öbösun muu bolo:d* (24) «трава, будучи плохой, в этой местности», *Ene kiyidiyin erkin sümeni* (29) «главный храм этого монастыря», *Sümeysin yaza: öüdenei kirilece-dü* (29) «на крыльце двери снаружи храма», *nige qabtaıai usunai köbö:dü qonogson* (59) «переночевали на берегу какой-то лужи», *Tere yoliyin köbö: şider yazartu öbösun mel ügei şala yazar žige* (56) «у берегов той реки растительности совсем нет, сплошь бесплодная земля».

Родительный, показывающий отношение предмета ко времени: *yıqai sarayın 1-dü basa örle: yaba:d* (90) «снова пошли утром 1 дня месяца свиньи», *ene sarayın 5-du yabubai* (31) «5 числа этого месяца вышли», *Tege:d bide şine žiliyin mörgöl 5-du Bodaladu oči Dalai Blamayın gegen-dü mörgöbe* (114) «Поэтому 5 числа достигнув Поталы, мы поклонились Его святейшему Далай ламе в новогодний молебен», *Moıai sarayın 7-du Serteg gegen-dü bara:lqa:r odogson blama irebe.*(36) «7-го числа месяца змеи вернулся лама, посетивший Сертег-гегена», *ene Bang noyoni nige žiliyin žalbani* (49) «это годовое жалование Ван нойона», *qaburiyin söül sara ba zunai teriün saradu* (50) «в последний весенний и первый летний месяцы», *asaqani üdeyin cagtu kürçi* (72) «прибыли в вечерний полдник».

Родительный признака образует конструкции, выражающие отношение признаков и его носителя. Определяющий или зависимый компонент представлен именем существительным в форме генитива, обладающим каким-либо качеством, свойством: *quldayın teme:n bayınai* (39) «есть верблюды на продажу», *qalimag ulusiyin yangzutai* (51) «калмыцкой внешности».

Родительный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом:

tölö:/tölö «ради, для, за, чтобы» употребляется для обозначения причины и цели действия: *Tege:d bi yabugsan-du gereči ügeyin tölö:* (119) «по причине того, что не стало свидетеля моего путешествия»; *zarlig ülü quyulquyin tölö:dü* (119) «чтобы не нарушить его указ»; *Tege:d bide yazar oyıroyın tölö: ene taragta:r yabugsan* (6) «мы поехали этой дорогой, так как расстояние по нему

было короче»; *Saggiyin tölө: biçiqan buuya:n abči yabugsan sayin bolba* (87) «Хорошо, что взяли маленькое ружье в целях безопасности»; *zuura yazartu mörini ideg muutayin tölө:* (14) «из-за того, что по дороге подножный корм для лошадей был плохим»;

dergede/dergedki «около, рядом, перед; при, у» обозначает место или предмет, вблизи которого происходит действие: *Tege:d uridaki yangza:r maniyigi gegenei dergede suulyaži zoog cabiyin üldel-e:ce qayiralazi.* (83) «поэтому, по старому обычаю посадили нас перед гегеном и пожаловали от остатков его трапезы»; *Ilöüni budaladu gegenei dergede qurul quraži bayidag Namžal 1) dacang geži 400 düngge quvurag-tu nige dacang bayidag.* (83) «В Потале имеется дацан, имеющий около 400 хувараков, именуемый Намжал-дацан, в обязанности которого входит собирать хурулы (молебны) при гегене»; *Maniyigi cuya:riyigi gegenei dergede suulya:d* (79) «усадив всех нас перед гегеном»; *16-e:ce ekileži, Žad Dongbayin 2) lung qayiralagsan-du, gegenei dergedeki soyibungyuud-tai qorin nigen küün tabun ödör sonosoba bide.* (96) «Начиная с 16-го числа, когда нам пожаловали луна Чжад-донгба (название буддийского сочинения), мы вместе с людьми, приближенными гегену, в количестве 21 человека слушали 5 дней»;

de:re «на, более» указывает прежде всего на поверхность предмета, место, где совершается то или иное действие: *Tege:d yul üdele: baruun uulayin de:re arai geži kürbe biden.* (91) «поэтому к обеду едва добрались до вершины южной горы»; *yazar uula qada bolquyin de:re* (90) «более того, что местность эта гористая»; *Botala 1) gegci neretei ciluun uulayin de:re* (75) «На вершине скалистой горы под названием Потала»;

doro «под» выражает пространственные отношения, указывает на место действия: *Tere kebte:n yaba:d Paglan daba: daba:d, daba:nai doro oro:d qonobai.* (71) «Двигаясь в таком порядке, перешли перевал Паглан и внизу устроили ночлег»; *dorodu qormo:giyin öbödügiyin doro dörbön quruya:n düngge üldge:ge:d* (43) «оставляют нижний подол, приблизительно, пальца на четыре пониже колена»; *Uulayin doro kürci nige biciqan cai cinaži uuya:d yabuba.* (93) «добравшись подножья горы, сварили и попили чай, и снова двинулись»;

ömönö/ömönökön «перед, пред» обозначает предмет, лицо перед которым происходит действие, а также время совершения действия: *Berebüng kiyidiyin ömönö beye:r.* (99) «перед монастырем Брайбун»; *Bayikal dalayin köbö:dü öriyin ömönö irebe.* (6) «на

рассвете достигли берега Байкала»; *naran suuquyin ömönökön buubai biden*. (57) «перед закатом солнца разбили стоянку»; *ene ödöriyin asaqañ nara suuquyin ömönökön garci yaba:d* (86) «вышли в этот день вечером перед закатом солнца»;

dotoro/dotor «внутри, в, среди». *Tere sümeiyn dotoro bosogson kümünei dūngge Mayidari burqañ* (88) «в этом храме есть статуя Будды Майтреи, величиной с человеческий рост»; *gegen mörgöl qayiraladag nige za:liiyn dotor zalarazi* (76) «геген направился в зал, где дает учение», *Ene Be:žinggiyn dotor arbañ garuñ qa:nai yamuñ bayidag žigen*, (116) «В Пекине есть представительские учреждения более чем от 10 ханов».

Винительный падеж

Показатели винительного падежа не отличаются таким же разнообразием, каким обладают показатели родительного падежа. В «Хождении» ко всем именам при образовании аккузатива присоединяются следующие показатели: *-yigi, -iyigi, -gi*. Основная функция имени в винительном падеже - это функция прямого дополнения и обозначение одушевленного или неодушевленного объекта при переходном глаголе. При этом прямое дополнение может выступать как с показателями винительного падежа, так и без них: *olañ küün alagsañ küügi ba:tur sayiñ ere geži* (44) «человека, убившего много людей, называют батуром, хорошим мужчиной»; *tere üzegdegsen uula:n üzüüriyigi kerčiži acara:d* (47) «срезав вершину, той видимой нам горы»; *bide basa qadag zo:s örgö:d mörgöbe biden* (47) «мы тоже поклонились, принеся хадаки и деньги»; *oyironi nige küü qaliulyaži üldege:d* (58) «оставив рядом одного человека для присмотра»; *čisu kö:röülži iredeg gem žigen* (59) «есть болезнь повышения давления крови»; *Üü müreyigi ükürei arisa:n ongyosa:r yatula:d* (85) «переправились через реку У на лодках / изготовленных/ из коровьих шкур»; *Ene kiyidiyigi Zongkabayin gegen bosqogsañ yuumañ žige* (85) «этот монастырь построил Зонкапа геген».

В монголоведении нет единого мнения по поводу употребления оформленного и неоформленного винительного падежа прямого дополнения.

В середине 19 века известный монголовец А.Бобровников писал, что показатель винительного падежа обозначается или

опускается произвольно [Бобровников 1849:241]. В свою очередь, Г.Д.Санжеев утверждал о «надуманности категории определенности/неопределенности» [Санжеев 1940:212; 1953:186].

Дательно-местный падеж

В языке «Хождений» датив-локатив образуется при помощи аффиксов: *-du~-dii/-tu~-tü*. Дательно-местный падеж осуществляет широкую грамматическую связь между именами: выражение различных косвенных дополнений и обстоятельств времени, места.

Дательно-местный адресата речи выражает лицо, к которому обращаются: *olži abugsan ulus qulqayıçı:su abugsan 30 düngge qonin qoş bolıon-du tüge:ži ögbe.* (61) «нашедшие поделили между палатками около 30 овец, захваченных ими у воров»; *bülütei qoş-tu büküli qoni, bülü cö:n-düni qoyor qoş-tu nige qoni ögbe* (61) «многолюдной палатке дали по одному барану, а малолюдным дали по одному /барану/ на две палатки»; *Zuu şagşamuniyin Gegen-dü kürçi mörgöbe* (72) «поклонились лику Зуу-Шагжимуни»; *8-du Norbo lingka-du oči, buri:d Agban-du bara:lqazi mendülebe* (94) «8-го отправившись в Норбу-линк, я представился буряту Агвану (Бурятский хамбо-лама Агван-Лобсан Доржиев (1854-1938))»; *ene Agban soyibung-du gegene:se Ayukayin Cebang 1) kürteküyin arı medöüle:d yabulai bi* (93) «спрашивал я у Агвана о возможности получить Аюкаин цэван (название буддийского сочинения- Е.Б.) от гегена».

Дательно-местный места выражает пространственно-местные отношения, указывая на место совершения действия: *10-du Berebüng kiyid-tü mörgöke:r Lqasa-e:ce şinggekü zöüni zabsar üzüg-tü arban qoyor duunai düngge yazartu Gepel 2) uulayin bel-dü barıgsan kiyid bayınai* (94) «10-го числа отправился на поклонение в Брайбун-кит (название монастыря), который находится на расстоянии 12 километров к западу от Лхасы, у подножья горы Гепел»; *Bideniyigi örgö:dü oruula:d suulyazi orgula: (106)* «нас завели и усадили в здании»; *ene kiyidtü yangzuur dangzuuriyin bar baraladag žige.* (108) «в этом монастыре печатают Ганджур и Данджур»; *kiyidiyin mörgöliyin orod-tu mörgöži ireküle: (108)* «поклоняясь, вошли в молельное помещение монастыря».

Дательный времени действия выражает временные отношения: *Mani arudu gegen-dü angqarayı:d ene sarayın arban*

tabun-du tere Cebang qayiralaqu zöbšö:röži (94) «после нас он довел до сведения гегена /о нашей просьбе/ и они решили пожаловать Цеван 15 числа этой луны»; *Dege:d qaluuna cagtu šine maqa qadayalaži bolodog ügei* (13) «в жаркое время нет другого способа хранить мясо»; *Zuugiyin Lqasa-du asaқani üdeyin cagtu kürči.* (72) «добрались до Лхасы ко времени вечернего полдника».

Дательно-местный направления указывает место или предельный пункт, куда направлено действие: *Uu müreni köbö:dü ire:d qonoba* (93) «добравшись до реки У, заночевали»; *Tere sana:ndu kürküyin zabsartu* (119) «во время достижения задуманного»; *Šažini tamaға:n šire:-dü zalaragsan cagta:n motorta:n abudag*, «когда садится на трон, то тогда берет печать веры (досл. духовную власть) в свои руки».

Дательно-местный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом:

- *kürtele* «вплоть до, до» обозначает пространственно-местные отношения: *übüliyin dundu barš sarayin ħurbun-du yaba:d kitadiyin Be:jing-dü kürtele qoyor sara ilöü yaba:d* (116) «вышли 3-го февраля и ехали до китайского Пекина более 2 месяцев»; *Nagcuu-e:ce nöüge:d Cayidamiyin zaqadu tuulai gedeg yazartu kürtele yabugsa:r öngžigse:r qoyor sara dunduur bolo:d* (115) «выехав из Нагцу, провели в дневках и ночевках два с половиной месяца до места Тулай, которое находится у границ Цайдама».

- *adali* «подобный, похожий; как» *Küüked ulusiyin üsün čigi manai yazarai küüked ulus-tu adali* «женщины заплетают косы так же, как и наши женщины»; *11 Lang manai orosiyin yazara: nige čingnuurtu adali bolon* «досл. 11 ланов равны одному фунту нашей русской страны».

Орудный падеж

В языке «Хождений» имеют место следующие показатели орудного падежа: 1) после основ на краткий гласный звук, и на согласные по закону сингармонизма *-a:r, -e:r, -i:r, -o:r, -ö:r*, при этом неустойчивый *-n* основы слова выпадает: *alta:r* (9) «золотом», *möri:r* (13) «лошадью», *baqana:r* (43) «столбом», *de:se:r* (43) «веревкой», *kölgö:r* (71) «транспортом», *mongyolo:r* (111) «по-монгольски»;

2) после основ с конечными долгими гласными или дифтонгами, и к словам с конечным неустойчивым *-n*, но с

предшествующим долгим гласным, а также с конечным *-ng* присоединяются аффиксы *-ya:r*, *-gi:r*, *-ge:r*, *-gö:r* : *zayidangya:r* (16) «неоседланный», *köbö:gö:r* (45) «берегом», *arsalangya:r* (5) «рублем», *dalayiya:r* (117) «океаном», *sana:ya:r* (84) «мыслью», *önggö:r* (52) «цветом», *anggi:r* (57) «зверем», *uige:ge:r* (10) «кумысом», *küüge:r* (7) «человеком». Но встречается употребление *-ge:r* после основы оканчивающейся на согласный *-g*, например слово *keregge:r* (2) «по делу».

Эти показатели восходят к универсальным аффиксам старописьменного монгольского языка *-be:r/-ye:r*, которые без изменений были перенесены в ойратский язык. Далее, под влиянием разговорного, они нашли отражение в вышеуказанных формантах старописьменного калмыцкого языка.

Орудный падеж имеет весьма широкий круг значений, но основной функцией этого падежа является выражение значения орудия или средства действия, и имена в этом падеже служат в предложении чаще всего дополнениями, а иногда и обстоятельствами.

Собственно орудный обозначает предмет в широком смысле слова, служащий орудием или средством для совершения действия: *tere qulayuičin möre:rni möškiži küre:d* (60) «достигли, следуя по следам тех воров»; *Tege:d orosa:r surqula:, ostiyag gedeg ulus biden gebe* (4) «Поэтому спросив их по-русски сказали: «Мы остяки»; *Tabka gecüle:r barica bariulži* (1) «сделал подношение через Табкагецюля»;

Орудный места выражает пространство или место, где совершает действие лицо или находится предмет: *Qara tenggise:r yaba:d Rostoba:r ireži* (118) «*по Черному морю доцмуглу Постова*»; *baruun talayin uulayin bele:r yoliyin köbö:gö:r qada usun qoyoriyin zabsara:r yabuži bayinai* (85) «мы движемся по подножью гор правой стороны, по речному берегу, по тропинке между скалами и водой»; *tangyadiyin zaqa:r oroži tangjad dotor qonoba biden* (43) «достигнув края тангутских земель, заночевали».

Орудный материала обозначает предмет, из которого что-либо делается: *sarlagiyin no:sa:r öböre:n neke:d kegsen qara örmöge:r uya:d kegsen yeke caçir ger* (43) «их жильё - палатка, сшитая из черной кошмы, которую они ткнут из сарлычьей шерсти»; *dotoroni dunda:su qoyor baqana:r de:gše:n tula:d, yaza dörbön tala:sani de:se:r tata:d, yazartu yada:su ša:ži uya:d, tere de:süyigi öndör modo:r tulži orkogsan* (43) «внутри по середине она подпирается

двумя столбами, снаружи с четырех сторон притягивается веревками, которые привязываются к штырям, забитым в землю, и подпирают эти веревки высокими кольями».

Орудный образа действия характеризует то, как или при каких обстоятельствах совершается действие: *ʏol zürüken-e:ce töböд-tü yabuqa:n üne:r sedeži*, (2) «непреложно и всем сердцем решил совершить паломничество в Тибет»; *Tere sana: ʏa:r ese bolba* (118) «что было задумано, не получилось»; *Amidu yabuquni Zuu töböд kürtele ene yoso:r mörgö:d kürkü sana:tai bi gedeg žigen* (24) «Говорит: «Будучи в здравии, хочу добраться до Тибета, поклоняясь таким образом».

Совместный падеж

Данный падеж в исследуемом памятнике оформляется посредством суффикса - *-tai/-tei*, а также зафиксированы единичные случаи употребления форманта - *-tu/-tü*. Существенных различий в употреблении этих двух показателей не отмечается, но в некоторых случаях они могут нести различную семантическую окраску. По мнению профессора Г.Ц. Пюрбеева, «суффикс *-tai/-tei* может подчеркивать предметный характер обозначаемого, а *-tu/-tü* его признаковость» [Пюрбеев 1990:37].

В первых грамматиках этот падеж вместе с соединительным рассматривались как формы одного падежа [Попов 1847:59; Бобровников 1849:98-99]. Автор грамматики разговорного калмыцкого языка В.Л. Котвич впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных падежа, назвав их как «соединительный I и соединительный II» [Котвич 1929:54]. Профессор Б.Б. Бадмаев назвал соединительный II совместным, что соответствует общей монголоведческой практике [Бадмаев 1966:23].

В большинстве случаев существительные совместного падежа и встречаются в значении имеющих что-либо, обладающий чем-либо. Например: *Ene ʏazar-tu bayigsan De:dü mongʏolčuud, Burqan šažitai, mongʏol qudma bičigtei, quučin yangzuni mel manai dörbön ойiroдийin yangžutai bayigsan sanaži. Aduun teme:n үкүр qonin yama:n iyimi maltai* (51) «верхние монголы, проживающие в этих краях, исповедуют буддизм и имеют монгольскую письменность, быт их такой же, как и наш - ойратский. Содержат четыре вида скота - лошадей, коров, овец и коз»; *Edenei ene bayigsan kiyid biciqan kiyid, nige süme-tei, 30-40 дүнге šabinartai žigen.*

(32) «этот их кид маленький, с одним храмом и около 30-40 послушниками»; *noyon kündü šaratai gekü songyog irebe* (14) «пришла телеграмма о том, что князь сильно болен (досл. тяжело ранен)».

Суффикс *-tu/-tü* зафиксирован всего лишь в нескольких случаях. Существительное с этим показателем имеет то же значение, что и с суффиксом *-tai*. Например: *kökö nuur tüšiži bayigsan ö:löd ugtai nige noyon* (22) «один князь, по происхождению элит, находящийся в зависимости от Куку-нура»; *Kökö nuura:su nöüži iregsen ö:löd ugtu ulus bolodog yuuman žigen* (21) «народ этот, элитского происхождения, перекочевал из Куку-нура»; *Tere yoliyigi pirboza:r yutulagsan-du olan önggötü panar-tu zula šata:bai* (5) «когда пересекали ту реку, в разноцветных фонарях зажглись огни (лампадки)»;

Совместный падеж соучастия обозначает лицо или предмет, с которым кто-либо принимает участие в общем действии: *Ene Banggiyin qoşuun Tangyad nutugtai qo:ronda:n qulayayitai bayidag žige* (48) «Хошун этого Вана и тангутские кочевья постоянно воруют друг у друга /скот/»; *šinggekü talayin ulus-ni qoton mangyad ulustai qo:ronda:n qulayai kö:gül kelcedeg bolonai*. (52) «на западе имеют взаимное воровство с народами под названием хотоны и татары»;

Соединительный падеж

Соединительный падеж в исследуемом письменном памятнике оформляется суффиксом *-la:/-lai/- la:i/ -le:/ -lei// -luγa*. Этот падеж был распространен в старописьменном монгольском языке, который функционировал наряду с совместным падежом с аффиксом *-tai/-tei*. Однако в современном монгольском и бурятском языках он отсутствует.

Многие монголисты считают, что в ойратском существовал лишь один падеж - совместный, который выражался двумя различными суффиксами *-luγa/-lüge u -tai/-tei/-toi/-töi*, причем первому приписывают литературный, а второму - разговорный характер (как и в старописьменном монгольском) [Лувсанбалдан 1975:51-52; Жамьян, 1988:18]. Г.Д. Санжеев полагал, что первоначально в старописьменном монгольском имелись два различных падежа: соединительный (*-luγa/-lüge*) и совместный (*-tai/-tei*) [Санжеев 1953:173].

Соединительный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом, выражающий сравнение, подобие, соучастия: *Čige:ni manai čigele: adali sayıqan čigen bayınai* (10) «кумыс очень хороший, такой же как и наш»; *Ede Barıduyın gegen, Serteg gegen qoyor nasun nadalai adali* (38) «возраст Бариды гегена и Сертег гегена такой же как и мой»; *Manlai qamtu küre:ge:sü ede te:ži yarugsan yurbun qoş küün* (18) «перевозимые вместе с нами из Урги, люди трех палаток»; *Nirba İši gedeg blamala: Küre:ge:se Gümbum kürgüülkü kölösü surugsan-du* (14) «когда спросили о транспорте от Урги до Гумбума у ламы Нирба Иши»;

Соединительный выражающий время действия: *28 üdelei İrčis müreni čile:ge:d* (4) «в обед 28-го переплыли реку Иртыш»; *23-du örüün 6 casla:i keremdü suuya:d yabugsan* (6) «23-го в 6 утра отправились на пароходе»;

В двух случаях зафиксировано употребление архаической формы соединительного падежа *-luya*. Причем оба раза этот формант, присоединяясь к причастной форме слова, употребляется с послелогом *adali* обозначая подобие или сходство с кем-нибудь. Например: *Manai oros qa:nai medeldü bayıgči qalimag ulus, teyimi ulusiyigi gelüng geži nere:dedeg-luya: adali* (23) «подобно тому как калмыки, находящиеся в подданстве нашего русского царя, называют таких людей гелюнгами»; *Eden-dü mörgözi bara:lqaqu yoson Dalai Blamayın gegendü bara:lqaqu-luya adali yangzutai* (107) «порядок представления и поклонения такой же, как и представление перед Далай-ламой».

Исходный падеж

Традиционно, показателем исходного падежа в ойратском языке является суффикс *-e:ce*, не имеющий сингармонических вариантов. В исследуемом памятнике наряду с этим формантом широко используются показатели, характерные для разговорного языка: *-o:su/-a:su/-e:sü/-e:se/-a:sa*.

Исходный падеж имен в языке «Хождения» обозначает:

отправную точку любого действия или состояния в движении:

Küre:-e:ce Alaşani nutugiyın zaqa kürtele (17) «от Урги до границ Алашаня»; *Zuuya:su qariqu yurbun mongyol küüge:r nököd aba:biden* (118) «мы взяли троих помощников монголов, которые тоже намеревались возвращаться из Тибета»; *Odisa-e:ce tömör tergendü suuya:d* (118) «из Одессы сели на поезд».

временные отношения: *üde:se erte buubai biden* (41) «перед обедом прибыли»; *ene ödöriyin üde:sü uridu Lqasa tala bucaba* (93) «до полудня вышли в сторону Лхасы»; *erte-e:ce sedegsen sana:γa:n büte:ži* (81) «осуществил давнее желание».

Исходный обусловленности обозначает причину, источник действия, состояние: *Tere ayumšig-e:ce odo: γarba gene* (65) «сейчас избежали той опасности»;

Исходный сравнения образует адъективные конструкции, в которых названия предметов, лица, с которым сравнивается другой предмет в отношении проявляемого им качества или свойства: *doro γazar mongγol ulusa:su mönggö:r qobur bolži medegdenei* (111) «кажется, они беднее деньгами, чем низовые монголы»;

Анализ значений падежных форм и послеложных конструкций, рассмотренных в языке памятника, показывает, что, функционально-семантически они соответствуют современному калмыцкому языку. Однако, в составе парадигмы склонения языка памятника отсутствует направительный падеж. Поскольку у авторов первых грамматик по монгольскому и калмыцкому языку А. Попова и А. Бобровникова не встречается упоминание об этом падеже, и в письменных памятниках 17-19 веков он также не зафиксирован, то можно предположить, что он выделился из разговорного языка, скорее всего, уже в 20 столетии, благодаря «процессу неодноступенчатой грамматикализации» наречия уруу «вниз, книзу» [Орловская 1988:28-30].

Литература

1. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. - Элиста, 1966.
2. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849.
3. Виноградов В.В. Русский язык - М., 1972.
4. Жамьян Г. Ясное письмо в сравнительном освещении. Автореф. канд. дисс. - Улан-Батор, 1988.
5. Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке // Вопросы грамматики языков стран Азии. - Л., 1964.
6. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. - Прага, 1929.
7. Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. - Улаанбаатар, 1975.
8. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 2. - М., 1998.
9. Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических

единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. - Элиста, 1988.

10. Пюрбеев Г.Ц. Историко-типологический анализ субстантивных словосочетаний с местоименным определением в монгольских языках // Исследования по синтаксису монгольских языков. - Улан-Удэ, 1990.

11. Ринчен И. Суффикс - у, ү и его значение // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. - Улаанбаатар, 1977.

12. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. - М., 1953.

13. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - М., 1964.

14. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. - М., 1953.

15. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - М., 1964.

16. Тодаева Б.Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке. - Записки КНИИЯЛИ. Вып. 1. - Элиста, 1960.

17. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979.

Источники:

1. Позднеев А.М. Хождение в тибетскую страну малодербетовского Базабагши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями. СПб., 1897.